

Видь на рейдъ с лѣстницы

Когда я смотрю с верхней площадки Потемкинской лестницы на порт, то порой ощущаю, что вместе со мной любуются морем и близким берегом Лузановки мои предки...

В середине 19 века прадед — Исаак Кохрихт, ювелир, ставший впоследствии знатным горожанином, купцом первой гильдии, приводил сюда, к памятнику Дюку де Ришелье, молодую жену. Ей предстояло стать матерью сыновей и дочерей, судьбы которых сложились и блестяще, и относительно благополучно. А вот их внукам, родившимся на стыке веков, тем более — их правнукам, выпали жестокие испытания войнами, погромами, революциями, изгнанием, Холокостом...

...Но сегодня, в сентябрьский день, скажем, 1870 года, они молоды и уже знают, что вскоре у них родится первенец — мой дед Израиль.

Пройдут годы, и он, молодой человек из хорошей семьи, получивший блестящее образование, сделает площадку у Дюка отправной точкой для путешествия по городу и окрестностям. Отсюда его коляска на резиновых шинах, запряженная вышколенными лошадьми, отправится на Лиман — через Пересыпь, где пересекутся судьбы наследника знаменитой ювелирной фирмы и фабричной девчонки — златовласка месила белыми ногами глину на кустарном кирпичном заводике, а "паныч" как раз проезжал мимо...

Семья не дала разрешения на неравный брак, и мой будущий дед ушел из роскошного дома на Дерибасовской в квартиру на Молдаванке, где и родился мой отец Давид — старший из трех братьев. Вскоре они стали сиротами — вольнолюбивый сын миллионера, работавший в порту конторщиком, умер от туберкулеза. Далее события развивались по канве готического романа. К моей прабабке явился во сне умерший сын и потребовал: "Возьмите к себе Давида и дайте ему воспитание!". Так мой отец испытал перемену участи и оказался в центре Южной Пальмиры — в апартаментах дома Вагнера, где жил прадед и находился его главный ювелирный магазин.

Первые детские годы Давид провел на окраине, среди пацанов, как две капли воды похожих на рыбацкого внука Гаврика — одного из героев повести Валентина Катаева "Белеет парус одинокий", теперь же ему предстояло стать гимназистом и учиться с учительским сыном Петей Бачеем. Но, учитывая национальные и сословные особенности, скорее всего, его

ждала судьба Сережи Мильгрота — блистательного и, увы, непутевого питомца семьи торговцев хлебом из повести "Пятеро". Ее автор Владимир Жаботинский создал книгу о том же времени и том же городе, что и Катаев. На моей золотой одесской полке они стоят рядом.

...В летний день 1905 года отец сбежал с уроков помчался на Николаевский бульвар, где уже клубилась толпа: на рейде стоял мятежный броненосец "Потемкин" и наводил пушки на город. Рядом с ним, шараясь от верховых казаков, теснились Владимир Жаботинский, Валентин Катаев, а быть может, и Исаак Бабель... Их герои? Какая разница!

Пройдут годы, и отец расскажет мне о том дне, а писатели поведают об этом в своих книгах.

И в этих воспоминаниях будут памятники Екатерине, Пушкину, Дюку.

Будет бульвар — Николаевский, Фельдмана, Приморский.

Будет лестница — Большая, Потемкинская, Одесская.

Впервые я увидел лестницу и порт осенью 1944 года. Мы недавно вернулись из эвакуации, а старший брат был на пути к Берлину. Мама привела меня на бульвар, и я с интересом разглядывал подбитый немецкий танк у Воронцовского дворца, а у памятника Дюку стояли патрульные морячки с автоматами ПППШ и смотрели на порт, где у причалов громоздились сгоревшие транспорты...

Мама рассказала, что перед самой войной отец приносил меня, младенца, к Дюку и показывал парусник "Товарищ", стоящий на рейде.

Любопытно, что в двадцатые годы он, прошедший первую мировую и гражданскую, был начальником Бульварного отдела милиции, гарцевал по аллеям на белом коне — хотел понравиться дамам, а по утрам вместо физзарядки бегал несколько раз по Потемкинской лестнице вверх-вниз. Я на такое способен не был. Но книжки читал чуть ли не с рождения.

Вот описание порта, бульвара и прибрежной полосы Одессы начала 20 века, почерпнутое из книг Катаева, Жаботинского, Бабеля. Я не ставлю кавычек и не делю текст по авторам. Разбирайтесь сами.

...Если бы можно было, я бы хотел подъехать не через Раздельную... на пароходе; летом, конечно, и рано утром. Встал бы перед рассветом, когда еще не потух маяк на Большом Фонтане... Потом начинают вырисовываться детали порта. Это брекватер, а это волнорез (никто из горожан не знал разницы, а я знал)... В детстве моем еще лесом, бывало, торчали трубы и мачты во всех гаванях, когда Одесса была царицей... Помню ли еще здания, которые видны высоко на горе, подъезжая с моря? Дума была белая. одноэтажная, просто греческого рисунка... Направо стройная линия

дворцов вдоль бульвара... И лестница, шириной в широкую улицу... второй такой нет, кажется, на свете. И над лестницей каменный Дюк — протянул руку и тычет в приезжего пальцем: меня звали дю Плесси де Ришелье — помни, со всех концов Европы сколько сошлось народов, чтобы выстроить один город.

...Проехали мимо знаменитой одесской лестницы. Вверху ее треугольника, в пролете между силуэтами двух полукруглых симметричных дворцов, на светлом фоне ночного неба стояла маленькая фигурка дюка де-Ришелье с античной рукой, простертой к морю. Сверкали трехрукие фонари бульвара. С эспланады открытого ресторана слышалась музыка. Над каштанами и гравием бульвара бледно дрожала первая звезда.

...Они дошли до угла и повернули на Пушкинскую... Я остался один и вдруг с такой ясностью, какой никогда не испытывал до тех пор, увидел уходящие ввысь колонны Думы, освещенную листву на бульваре, бронзовую голову Пушкина с неярким отблеском луны на ней, увидел в первый раз окружающее меня таким, каким оно было на самом деле, — затихшим и невыразимо прекрасным.

...Они дошли до угла и повернули на Пушкинскую... Я остался один и вдруг с такой ясностью, какой никогда не испытывал до тех пор, увидел уходящие ввысь колонны Думы, освещенную листву на бульваре, бронзовую голову Пушкина с неярким отблеском луны на ней, увидел в первый раз окружающее меня таким, каким оно было на самом деле, — затихшим и невыразимо прекрасным.

К 216 годовщине Одессы художники Стас Жалобнюк, Олеся Зайвая, Сергей Боголюбов показали у памятника Дюку две работы, изображающие порт столетие назад и в возможной перспективе. Они озаглавлены: "Видь на рейд сь лестницы" — как на старой открытке